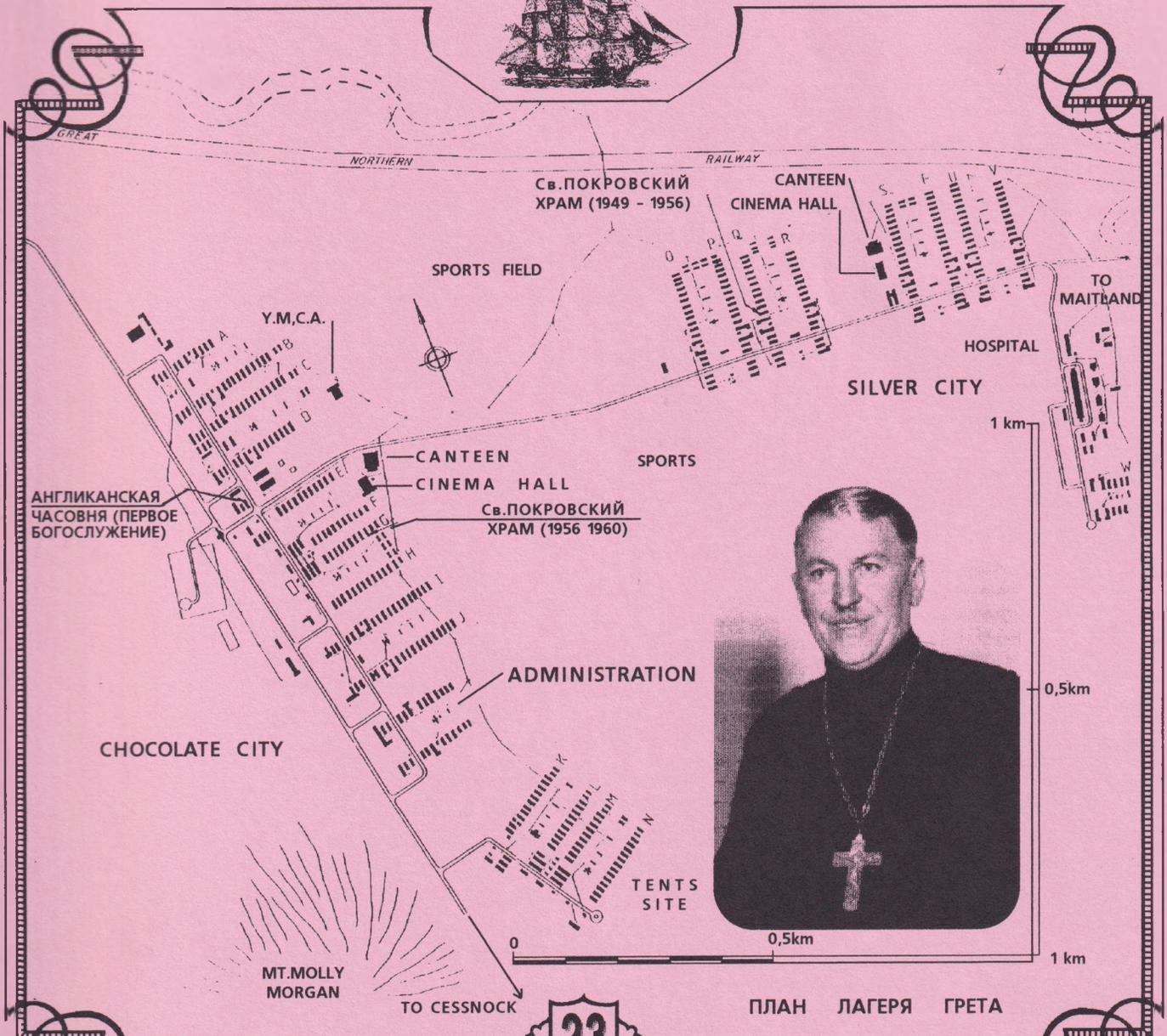
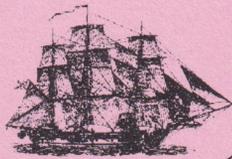

Австралия

РУССКАЯ ЛЕТОПИСЬ

ПЛАН ЛАГЕРЯ ГРЕТА

23

2000

СИДНЕЙ

АПРЕЛЬ

След на земле (Заметки из Канберры)

Бейтманс-Бей и его окрестности – дачные места канберрцев, есть там и дачи наших соотечественников. Отрадно думать, что долгие годы труда на австралийской земле вознаградили их сторицей и теперь километры малолюдных песчаных пляжей, причудливо изрезанные скалистые берега, рыбалка на тихих реках, смолистый запах эвкалиптовых перелесков – все это их земля, пусть не такая родная, как могла бы быть на далекой родине, но теперь – тоже своя. На даче наших друзей-белорусов Порецких мы прожили неделю. В один из дней мы выбрались на Пембли Бич, небольшой уединенный кемпинг к северу от Бейтманс-Бея. Как только мы свернули с автострады с ее современным скоростным ритмом на проселочную дорогу, началось путешествие во времени. Зеленые пастбища вдоль крика, отвоеванные первопоселенцами у леса, грунтовая дорога к старой лесопилке, знак с указателями глубины, предупреждающий о том, что нашу дорогу может залить при наводнении – все это была Австралия прошлого, которая все еще живет, которая всегда ждет нас... Но вот гравийная дорога с устрашающим названием Mount Agony Road привела нас в лес – высоченные белоствольные эвкалипты, перевитые почти тропическими лианами, огромные папоротники, высокие острые термитники. Крутой спуск по горному серпантину среди леса – и мы в долине, недалеко от моря.

Я открываю машину, в первую минуту тишина оглушает, неожиданно прямо на дверцу садится розелла и доверчиво заглядывает к нам внутрь. Группа отъезжающих американских парней дает нам мешочек с семечками, и тут начинается невообразимое. Попугаи буквально облепляют нас, садятся на руки, царапая их острыми коготками, на плечи, даже на голову. У них своя иерархия – стая сине-красных розелл захватывает лучшие позиции, крупные зелено-красные королевские попугаи оказываются на вторых ролях, им только изредка удается пробиться к руке с семенами, а по земле деловито ходят голуби, подчищая все, что падает вниз в пылу борьбы наверху. Скормив первую пригоршню и придя в себя, я оглядываюсь по сторонам. Время от времени подъезжают туристские автобусы и выпускают записных заморских туристов. И тут, когда вместо очередного look-out'a к ним прямо на плечи садятся попугаи, они явно испытывают культурный шок. Лица преображаются и становятся детски-доверчивыми. Они уже никуда не спешат и с блаженной улыбкой на лице, может быть впервые в жизни, отдаются во власть маленького австралийского чуда.

А чудеса продолжаются. Пройдя несколько десятков метров к высокому, поросшему травой берегу моря мы натываемся на группу кенгуру. Они совсем не боятся людей. Пощипывают траву или просто лежат в тени дерева. У самок из сумок торчат то любопытная головка кенгуренка, то хвост и пара неуклюжих задних лап. Один большой кенгуренок, нагулявшись на свободе, подходит к матери и пьет молоко, сидя прямо на земле, а мать в это время мирно щиплет траву. К ним, опираясь на хвост, медленно подходит отец и ласково гладит мать по голове лапой. Идиллия по-кенгуриному... Завидев людей с чем-то съедобным в руках, несколько кенгуру подходят к ним, берут их за руки своими лапками и с удовольствием лакомятся угощением. Самец, войдя во вкус, не довольствуется тем, что на руке, и, встав в полный рост, пытается завладеть всем мешочком – взрывы смеха мешаются с возгласами испуга и восторга на разных языках. Я указываю сыну на надпись, гласящую, что кенгуру – дикие звери и их запрещается кормить. "Ну что ты беспокоишься, – успокаивает меня Ральфи, – ведь они же не умеют читать, откуда они знают, что они дикие!" и с удовольствием скармливает им остатки семечек (и у меня не поднимается рука его остановить), а потом бежит к крану, где уже давно сидит кенгуру, ожидая, когда же эти бестолковые люди догадаются открыть для него воду. На берег выходят новые туристы и, как и мы, переживают ни с чем не сравнимое счастье пребывания в австралийском Эдеме. Как давно я не видела столько светлых добрых лиц!

Наступил тихий вечер, поток туристов схлынул, и мне было приятно думать о том, что среди всех этих случайных посетителей только я знаю тайну возникновения этого чуда. Давным-давно здесь поселилась наша соотечественница Урсула Юльевна Шваубах – Ушка, как ее ласково звали. О ней уже рассказывалось в "Австралиаде" (№ 6) в замечательном очерке Георгия Косицина. Именно она и ее муж Ральф когда-то приручили первых диких животных. И хотя Ушки уже давно нет среди нас, сегодняшнее чудо – это ее безмолвный завет всем живущим. И неважно, что никто из туристов и не подозревает о ней, посеянное ею добро дает новые всходы в их сердцах по всему миру – а может ли быть след на земле лучший, чем это?

Только мы вернулись в Канберру, как я получила e-меил от коллеги по Университету, который взывал – "не знаете ли вы кого-нибудь, кто захотел бы приобрести у меня русские книги? Я понятия не имею о чем они, но тут их сотни и сотни..." Когда мы приехали к нему посмотреть книги, он радостно сообщил: "В субботу я устроил гаражную распродажу и уже 9 ящиков из 18 разошлись!" "И как он их только продает, на вес, что ли?" – мрачно пробормотал по-русски Владимир, мой муж. Впоследствии оказалось, что он был

недалек от истины... Наконец дверь в Сезам, которым служил гараж, открылась, и под ворохом спортивного инвентаря, утюгов и всякого хлама (очевидно остатки гаражной распродажи) появились огромные ящики с книгами. Безмолвно они вели рассказ о своей прежней владелице. Вот дореволюционный томик Надсона, подаренный ей в 1929 году за успешную учебу в Харбинской гимназии, между страниц - листок с неоконченной фразой, написанной аккуратным полудетским почерком "Мамочка, как мне тя...". Вот Владимир находит берлинское издание стихов Марии Шкапской (у него осталась точно такая книга в Москве!). Вот разрозненные тома из серии "Русские художники" Игоря Грабаря, приобретенные в Харбине в торговом доме Чурина в 1922 году старшей подругой нашей героини и теперь ждущие решения своей судьбы в гараже жизнерадостного австралийца... А книги продолжают рассказ о жизненном пути своей бывшей хозяйки, ее работе, увлечениях и путешествиях. Через час, набрав пол-ящика книг, мы зовем хозяина. Он предлагает нам самим назвать цену и, увидев наше минутное замешательство, тут же поспешно добавляет: "Если не можете заплатить – берите так, я не буду в претензии". Мы все-таки платим и хоть одно утешает нас, что эта русская библиотека оказалась в руках благородного человека. К нему библиотека попала случайно – при покупке дома вместе с содержимым, которым распоряжался государственный попечитель (public trustee).

Не зная всех деталей этой истории, я не хотела бы называть имя прежней владелицы книг. Да и в имени ли дело! Лет девять назад я с болью в душе разбирала архив Константина Хотимского, первого историка русской эмиграции в Австралии. Счастье, что эти 30 ящиков книг и бумаг, благодаря его семье, закончили свой путь не на гаражной распродаже, а в отделе даров библиотеки Мельбурнского университета. Осколки других русских собраний попадались мне и на книжной ярмарке в Канберре. Да, горька судьба русской библиотеки на чужбине, годами создаваемой по круплицам! И мне хочется обратиться к нашим соотечественникам – позаботьтесь о судьбе своих книг, не разлучайте книги друг с другом, не оставляйте в руках государственных попечителей или случайных людей. Ведь это итог вашей душевной жизни, то, что может стать вашим следом на земле, если только эти книги найдут себе новый дом. Если такого дома нет в вашем ближайшем окружении – перекиньте мостик между поколениями, обратитесь к новым эмигрантам. Многие из них не могли вывезти свои книги, покидая Россию, и будут рады вашему собранию. И не продавайте книги – подарите их доброму человеку, и тогда, как сказал Александр Грин, "новая душа будет у него и новая – у вас". Русскую австралиану собирает "Австралиада". Дореволюционные и эмигрантские издания у вас охотно примут и библиотеки в России – Государственная Российская библиотека в Москве, Национальная библиотека в Петербурге. А быть может своим собранием вы осчатливите публичную библиотеку в провинциальном русском городе где-нибудь на родине ваших предков? Адреса их теперь легко узнать через русские страницы Интернета. Но только, памятуя о мудрой русской пословице – "за морем телушка - полушка, да рубль перевоз", не надейтесь, что книги перешлет российское консульство или сама библиотека. Увы, у тех, кто ценит книги в России, теперь редко бывают деньги.

Русский след на земле Австралии – хочется, чтобы он не затерялся...

ПУСТЯК

Не для странички,
А просто так,
Я по привычке
Пишу пустяк.

Ты мог о большем
Просить меня,
Да ждать бы дольше -
Не два-три дня.

Так что ж на север
Меня манит
Надежды, веры,
Любви магнит?

Четыре строчки -
Строфа легла.
Поставлю точку
И все дела!

Пустяк - не просьба,
Но что мне в том?
Ох, не пришлось бы
Жалеть потом!

Но нет ответа
На мой вопрос,
Лишь эхо где-то
Да стук колёс.

Тебе хотелось
Моих стихов -
Такая мелочь
И стих готов.

Рифмую строки,
Смотря в себя -
Я на востоке,
Южнее тебя.

Четыре строчки -
Такой пустяк!
Поставлю точку -
Сойдёт и так.

ВИТАЛИЯ ДУДИНСКАЯ

Аделаида

